

ДЖУЛИАНА
ГРЕЙ

Чтобы
встретиться
вновь

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г79

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Juliana Gray

A GENTLEMAN NEVER TELLS

Перевод с английского *Е. Максимовой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International
Literary Agency.

Грей, Джулиана.

Г79 Чтобы встретиться вновь : [роман] / Джулиана
Грей ; [пер. с англ. Е. Максимовой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-081939-3

Когда-то юная Элизабет Харвуд и лорд Роланд Пенхэллоу считались самой красивой парой лондонского света, однако судьба уготовила им трагическое расставание.

Но однажды спустя годы случай вновь свел их под кровом маленькой итальянской гостиницы, и пламенная страсть, казалось бы, давно оставшаяся в прошлом, разгорелась с новой силой.

Обретут ли они счастье теперь? Ведь Элизабет замужем за могущественным аристократом-тираном и ее может погубить даже тень скандала...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Juliana Gray, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers,
2015

ISBN 978-5-17-081939-3

Пролог

Лондон, февраль 1890 года

За более чем шесть лет, проведенных на тайной службе королеве и своей стране, лорда Роланда Пенхэллоу еще ни разу не вызывали в личную библиотеку самого шефа Бюро.

Это могло означать только одно — он непреднамеренно кого-то убил.

Но Роланд не мог представить, каким образом. Последнее дело завершилось весьма аккуратно, почти без шума и крови. «Даже самого вероломного негодяя можно заставить послужить какой-то цели, — говаривал сэра Эдвард, прижав короткий толстый палец к своему столу красного дерева в Уайтхолле, — а вот труп — это пустое место». Роланд, тогда еще новичок, принял его совет близко к сердцу и с тех пор жил, руководствуясь им.

И сейчас, стоя в обветшалом холле сэра Эдварда в Мей-фэре, ровно поставив носки ботинок на выщербленные мраморные плитки пола и обводя взглядом унылые семейные портреты, Роланд ощущал тот же знакомый смутный страх, что испытывал в Итоне, когда его вызывали к заведующему пансионату, чтобы отругать за очередную проказу. Он сцепил холодные пальцы за спиной и посмотрел вверх, на слабо освещенный потолок. «Волноваться не о чем, — убеждал он себя. — Ты можешь отговориться от чего угодно, Пенхэллоу». Это что — там, по дальнему углу, расплывается мокрое пятно? Старине Эдварду следовало бы быть повнимательнее, протечки весьма опасны...

— Ваша милость.

Роланд вздрогнул. Дворецкий сэра Эдварда стоял перед ним как мстительный пингвин. Его лоснящиеся темные волосы блестели в желтом сиянии яркой лампы, горевшей на столе холла, а неприступная манишка героической белизной сдерживала наступление лацканов.

— Ваша милость, — повторил он таким тоном, словно хотел сказать: «Вы, напыщенный волкодав». — Сэр Эдвард ждет вас в библиотеке.

Ответа дворецкий ждать не стал. Он повернулся и пошел в сторону (предположительно) библиотеки.

— Ужасно благодарен, — пробормотал Роланд себе под нос, с каждым шагом все сильнее ощущая себя не столько братом герцога Уоллингфорда, сколько сборщиком мусора.

— А! Пенхэллоу! — воскликнул сэр Эдвард, едва Роланд, собрав все свое хладнокровие, перешагнул порог библиотеки. Довольно-таки много хладнокровия, мысленно, но скромно оценил он, все же не зря он брат герцога Уоллингфорда.

— Сэр Эдвард.

Баронет махнул крепкой рукой на древнее кресло с подголовником у письменного стола.

— Садитесь, садитесь. Спасибо, Панкхерст, больше ничего не требуется. О, погодите. Проклятье, Пенхэллоу. Вы обедали?

— Да, в клубе.

— Превосходно. В таком случае можете идти, Панкхерст. И чтобы нас не беспокоили. Я сказал — садитесь, Пенхэллоу. Ради всего святого, здесь ни к чему соблюдать формальности.

Роланд со своей обычной небрежной грацией раскинулся в кресле, хотя нервы, предостерегая, оставались натянуты. Сэр Эдвард Пеннингтон, глава Бюро секретной службы ее величества, редко начинал встречи с потока шуточных любезностей.

Дверь за Панкхерстом захлопнулась с дерзким стуком.

Сэр Эдвард закатил глаза.

— Панкхерст. Мне бы следовало его уволить, но, с другой стороны, он ужасно осмотрителен и умеет держать

язык за зубами. Не желаете капельку чего-нибудь? — Он встал и направился к столу в форме полумесяца у дальней стены, на котором приглашающе подмигивали хрустальные графины на подносе. — Шерри? Виски? У меня еще есть благородный портвейн, остатки того, что мой отец запас для меня по случаю моего рождения, ха-ха.

— Не хочу вас обделять, — сказал Роланд, даже в теперешних расстроенных чувствах остро ощутивший, как тяжело лишиться благородного портвейна.

— Чуть. Если дожидаться подходящего случая, его и вовсе никогда не выпьешь. — Сэр Эдвард взял графин и вытащил пробку. — А! Вот и ты, чертов красавчик.

— Знаете, вы намного щедрее моего брата, — заметил Роланд. Прищурившись, он наблюдал, как сэр Эдвард до краев наполняет густым рубиновым портвейном сначала один бокал, потом второй. В безмолвной комнате, заставленной книгами, жидкость лилась в хрусталь со звуком, напоминающим амазонский водопад. — Он и близко не подпускает меня к своим выдержанным винам.

— О, конечно. Герцоги, одно слово. — Сэр Эдвард протянул ему бокал. — За королеву.

— За королеву.

Бокалы соприкоснулись, хрусталь приятно зазвенел, но сэр Эдвард, вместо того чтобы вернуться за стол, подошел к окну, выходящему на задний садик. Отодвинул тяжелые темно-красные шторы и, сделав глоток портвейна, взгляделся в туманную тьму.

— Полагаю, — произнес он, — вы гадаете, зачем я вас сегодня сюда вызвал.

— Да, это меня несколько удивило.

— А! Бдительный. — Сэр Эдвард покрутил портвейн в бокале. — Последние несколько лет вы справляетесь очень хорошо, Пенхэллоу. Чертовски хорошо. Когда вас впервые навязали мне, я думал, что вы окажетесь очередным аристократическим жерновом у меня на шее — с этой вашей крикливой внешностью и чертовым непревзойденным происхождением. Но, к своему огромному удовольствию, я ошибался. Очень сильно ошибался. — Он повернулся к

Роланду, и с его худого лица сошло все вымученное оживление, а острые углы внезапно сделались еще аскетичнее, чем обычно.

— Я рад быть полезным, сэра, — ответил Роланд. — Королеве, и стране, и все такое. Это очень занятно. — Он так сильно сжал узкий бокал, что холодные рифленые узоры больно врезались в пальцы.

— Разумеется, рады. В этом я совсем не сомневаюсь. — Сэр Эдвард уставился в рубиновую глубину портвейна в бокале.

— Сэр? — окликнул его Роланд. Во рту так пересохло, что он не смог произнести ничего более членораздельного. Затем он вспомнил про портвейн, поднес бокал ко рту и сделал добрый моряцкий глоток.

Сэр Эдвард откашлялся.

— В этом-то вся проблема. Подозреваю, что вам прекрасно известно — мы не единственная организация в правительстве ее величества, собирающая информацию.

— Конечно. Мы то и дело наступаем друг другу на пятки. — Роланд победительно улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой. — Не далее как в прошлом месяце я сам чуть не кончил весьма скверно. Влез прямо в ловушку, устроенную какими-то проклятыми парнями из военно-морского министерства. В такую западню я в жизни не попадал.

— Да, я читал ваш отчет. — Сэр Эдвард отошел от окна и снова сел за стол. Уголок его рта приподнялся в слабом подобии улыбки. — Эти ваши отчеты весьма неплохо написаны, за исключением, пожалуй, избытка образных выражений.

Роланд скромно пожал плечами.

— Иначе отчеты будут чересчур скучными.

— Во всяком случае, эти... э-э-э... проклятые парни из военно-морского министерства, как вы выразились, не воспринимают происходящее в том же братском духе, что и вы.

— Нет? Неспортивно с их стороны. Через пару недель все они снова были на ногах. — Роланд смахнул с рукава пятнышко пыли.

— А. И тем не менее. Несмотря на всю вашу нежную заботу, наверняка отвечавшую высочайшим стандартам службы...

— Естественно.

— ...начались разговоры, — сэр Эдвард поставил бокал и начал перебирать аккуратную стопку бумаг, лежавшую в кожаной папке, — что наше вмешательство является сознательной попыткой свести на нет длительное и престижное расследование.

Роланд вскинул брови. Как ни старался он, так и не научился приподнимать только одну.

— Вы не можете говорить это всерьез. Неужели военноморское министерство в самом деле считает, будто у меня нет других забот, кроме как замышлять их крушение? Да ради всего святого! Мой источник дал мне все основания думать...

— Ваш источник. — Сэр Эдвард взял из стопки верхний документ и просмотрел его. — Джонсон, если быть точным.

— Да, сэр. Вы его знаете. Исключительно надежный и занимает прекрасное положение в русской миссии.

— И как раз сегодня утром он с кучей небольших тяжелых сундучков поднялся на борт парохода, отправившегося в Аргентину, и занял там каюту первого класса по правому борту. — Сэр Эдвард поднял взор. — Удивлены, верно?

Роланд обмяк в кресле.

— Ну, будь я проклят!

— Проклят. Да.

— В Аргентину!

— Именно так. Более того, путешествует он под своим настоящим именем.

— Какая наглость!

— Мой коллега из министерства, разумеется, просто вне себя. Он убежден, что вы заплатили Джонсону, что все это часть какого-то заговора с нашей стороны: в лучшем случае — попытка выставить их дураками, а в худшем...

Роланд вскочил с кресла и придавил документ пальцем.

— Ради бога, не вздумайте это сказать!

— Тихо, юный болван. Я вас ни в чем не обвиняю.

— Но кто-то обвиняет. — Голос Роланда прозвучал тихо, мертвенно, совсем не похоже на него.

Сэр Эдвард склонил голову набок и долгим взглядом посмотрел на Роланда.

— Кто-то, да.

— Кто?

— Не знаю. — Сэр Эдвард нахмурился. — Послушайте, Пенхэллоу. Я буду говорить как можно более откровенно, поскольку считаю себя неплохим знатоком людей и не знаю другого человека, более бескорыстного и преданного благополучию британского народа, чем вы.

Натянутое как стрела тело Роланда слегка расслабилось.

— Что-то затевается, Пенхэллоу. Я не знаю, что именно. Какие-то подвижки, подводные течения. Конечно, соперничество было всегда, временами очень ожесточенное. Этого приходится ожидать в нашей работе, где нет особой финансовой выгоды, никаких чествований героя в соборе Святого Павла, ничего такого. Власть — вот единственная валюта. Но то, что я сейчас слышу, что чувствую, странные случаи то здесь, то там... даже в слова облечь не могу. Но что-то происходит.

Роланд откинулся на спинку кресла. Все его чувства были обострены.

— Что именно?

Сэр Эдвард сложил ладони домиком, палец к пальцу, над белым листом бумаги.

— Если бы я знал, Пенхэллоу, уже что-нибудь предпринял бы.

— И как я могу помочь?

— Видите ли, в этом и заключается проблема. — Он побарабанил пальцами — жесткими, короткими, крестьянскими пальцами, так подходившими его жесткому, крепкому телу, на котором превосходного покроя сюртук смотрелся, как шелковые ленточки на боевом жеребце. — Скажите мне, Пенхэллоу, — произнес он ровным голосом, — у вас есть враги? За исключением, разумеется, тех

проклятых парней, которых вы вывели из строя несколько недель назад.

— Ой, да сколько угодно. Репутацию, подобную моей, не создашь, не сломав несколько носов.

— Кто-нибудь желающий уничтожить вас?

— Как любого, кто обыгрывает тебя в карты или уводит твою любовницу.

— Я имею в виду полное уничтожение. Моральное, физическое. Возможно, человек, желающий, чтобы вас осудили за измену.

Измена.

Слово прозвенело в комнате, отрикошетило от книг и мебели и упало между ними с противным лязгом.

— Я никого подобного припомнить не могу, — очень спокойно произнес Роланд.

— И все-таки, — не менее спокойно отозвался сэр Эдвард, — я с определенной долей уверенности могу сказать, что такой человек существует.

— Назовите его, и через час он станет трупом.

— Я не знаю его имени. В этом-то и заключается тайна. — Сэр Эдвард встал, направился к книжным полкам у окна, где небольшой глобус разрывал ровный ряд томов в кожаных переплетах, и положил растопыренную ладонь на Атлантический океан. — Вам есть куда уехать на месяц-другой? Может быть, и дольше. Какое-нибудь потайное место?

— Что, скрываться? Ну, знаете ли...

— Не скрываться, вовсе нет. Всего лишь ненадолго перестать привлекать слишком пристальное внимание.

— Да будь оно все проклято, сэр, я не собираюсь бежать, поджав хвост!

— В данном случае благоразумие является основной частью героизма. — Сэр Эдвард повернулся, пробуравив его острым взглядом темных глаз. — Смысл в том, чтобы подразнить нашего приятеля и выманить наружу. Выяснить, что у него на уме. Пусть он думает, что победил. Легкий триумф вызывает излишнюю самоуверенность.

— А тем временем я должен буду сидеть где-нибудь в деревне и бездействовать...

— Желательно за пределами Англии.

— О черт. За пределами Англии? Я терпеть не могу Париж, а друзей у меня больше нигде нет... — Он замолчал. В мозгу, как гадкий угорь, зашевелилась мысль.

— Что такое?

— Мм... в общем-то ничего. Глупая мысль об одном нашем друге.

— Что за мысль? Что за друг?

— Ученый. Зовут его Бёрк. Наш с братом очень близкий, доверенный друг. У него появился какой-то безумный проект, требующий провести год в замке в горах Тосканы. Что-то связанное с моторными авто и всяким таким... на самом деле совершенно не годится...

— Боже правый! Это же идеально!

— Что? О господи, нет. Ни под каким видом. Сырые, паршивые места эти замки. Да еще нужно отказаться от женщин, и выпивки, и... в общем, от всего, что делает жизнь сносной.

— То, что вам требуется, Пенхэллоу. Великолепно. Я немедленно напишу необходимые письма, открою линию связи...

— А это что такое?

Но сэр Эдвард уже составлял памятную записку.

— Думаю, Биддл из конторы во Флоренции снабдит вас всем необходимым. Тоскана, да? Насколько мне помнится, ее называют землей бесконечного солнца. Ха. Вы превосходно проведете там время. Будете в высшей степени признательны этому вашему мистеру Бёрку.

Роланд следил за быстрым движением по бумаге ручки сэра Эдварда, и его начало подташнивать.

— Я отказываюсь...

— Что-что? О, Пенхэллоу, чепуха! Я позабочусь обо всем с этой стороны и дам вам знать, когда можно будет вернуться. Подумайте об этом как о своего рода творческом отпуске. Вы вернетесь посвежевшим, обновленным. Полным вкуса к жизни и все такое.

Роланд, никогда не лезший за словом в карман и не терявший самообладания, понял, что лишился и того и другого. Челюсть его беспомощно отвисла.

Сэр Эдвард сложил записку и поднял взор.

— Что такое? О, бросьте, Пенхэллоу. У вас такой вид, словно вам только что вынесли смертный приговор. Только подумайте обо всех преимуществах: солнце, вино, приличная еда! Опытные молодые женщины, не умеющие говорить по-английски!

Он встал, протянул записку Роланду и ухмыльнулся, как демон.

— Что может пойти не так?

Глава 1

*Тридцать миль к юго-востоку от Флоренции,
март 1890 года*

Мальчик был не старше четырех-пяти лет. Он решительно стоял в дверях гостиницы и темными глазами смотрел на Роланда со странной напряженной враждебностью, нахмутив лоб и прикусив большой палец.

— Слушай, молодой человек, — деликатно кашлянув, произнес Роланд и поставил ногу на ступеньку. — Может быть, ты разрешишь мне пройти?

Мальчик вытащил палец изо рта.

— Мой отец тебя запросто побьет.

Дождь с карниза капал на тулью шляпы Роланда, стекал на узкие поля, а уже с них заливался за воротник пальто. Холодная и промокшая рубашка неприятно липла к коже.

— Думаю, ты прав, — согласился он, собрав воротник пальто в кулак. — Но пока мне бы очень хотелось обсушиться у того жаркого огня, что потрескивает в камине прямо за твоей спиной. Разумеется, если ты не против.

— Мой отец, — заявил мальчишка, ткнув пальцем в нос Роланду, — сможет расколошматить тебе лицо, и ноги, и руки, и ты будешь плакать вечно. — Последнее слово он произнес с особенным удовольствием.

Роланд моргнул. За небольшой фигуркой мальчишки он ясно видел общую комнату гостиницы: длинные столы, сидящих за ними людей, тарелки с дымящейся едой и бутылки местного вина. В камине приглашающе ревел огонь, прогоняя прочь сырой мартовский воздух.

— Конечно, я буду плакать, — сказал Роланд. — И очень горько. Нисколько в этом не сомневаюсь, ни капельки. Но, слушай, там горит огонь...

— Филипп! Вот ты где!

Измученный женский голос послышался из-за спины Роланда, откуда-то из глубины вонючего грязного гостиничного двора, который он только что пересек. Голос измученный, да: натянутый, иссохший, с небольшой хрипотцой, но тем не менее очень знакомый.

От потрясения спина Роланда напряглась. Нет, только не здесь. Он наверняка ошибается. Не во дворе деревенской итальянской гостиницы, запрятанной в далеких холмах, в милях и милях от цивилизации и комфорта Флоренции, в целой вечности от лондонской оранжереи, где он в последний раз слышал этот мелодичный голос.

Нет, должно быть, просто воображение разыгралось.

— Филипп, ты же не причиняешь неудобства несчастному джентльмену, верно? — Женщина говорила страдальческим тоном, быстро приближаясь к его правому плечу. Боже милостивый. Нет, он не может воображать ее сейчас. Или может?

— Сэр, прошу прощения. Мальчик ужасно устал и...

Роланд повернулся.

— Ой. — Леди мгновенно осеклась и отступила на два-три шага. Ее лицо было почти полностью скрыто под полями шляпки, но изгиб губ и подбородка был в точности таким, какими их помнил лорд Роланд. Клетчатый шарф укутывал шею, длинную и изящную, плавно перетекающую в деликатную плоть плеч и груди, сейчас благородно прикрытых темным шерстяным пальто.

— Роланд, — прошептала она.

Разумеется, ему снится сон. Она не может быть настоящей. Плод его усталого воображения. Тяготы путешествия дают о себе знать.

— Леди Сомертон, — произнес он, слегка поклонившись, и с полей шляпы потоком хлынула вода. Раз уж это сон, следует хорошо сыграть отведенную ему роль. — Ка-

кой очаровательный сюрприз. А я как раз знакомился с вашим сыном.

«С сыном», — эхом отдалось у него в голове.

— Лорд Роланд, — ответила она, склонив голову, и сложила перед собой обтянутые перчатками руки. — В самом деле, большой сюрприз. Мне не следовало... О, Филипп, ну право же!

Роланд резко обернулся и успел увидеть, как кончик языка мальчика прячется в его херувимском ротике.

— Прошу прощения. — Она прошла мимо Роланда и взяла Филиппа за руку. — Обычно он такой хороший мальчик. Это все дорога, и его няня заболела в Милане, и... о, Филипп, пожалуйста, будь славным мальчиком, извинись перед его милостью.

— Ты велела мне подождать там, где сухо, — сказал Филипп, серьезно глядя в лицо матери.

— Велела, — согласилась она, склонившись к нему, — но я никогда не просила тебя приставать в дверях к ничего не подозревающим джентльменам. Попроси прощения, Филипп, и пропусти его милость. Он страшно промок.

— Извините, — буркнул Филипп.

— Филипп, ну право же!

Мальчик вздохнул и повернул лицо к Роланду.

— Мне очень стыдно, ваша милость, и я больше никогда так не сделаю.

Роланд торжественно поклонился.

— Все в порядке, старина. В полном порядке. Это ты горяча. В свое время я делал вещи и похуже.

— Очень хорошо, Филипп. Ты молодец, — сказала леди Сомертон. — А теперь пропусти его милость.

Филипп недовольно посторонился.

— Благодарю, сэръ, — все так же торжественно произнес Роланд, поднимаясь по ступенькам. В дверях он обернулся и снял шляпу.

— Вы только что прибыли, мадам? Насколько я понимаю, сегодня у них тут полно народу.

— Да, только что, — ответила она, подняв к нему лицо, и взгляд голубых глаз нанес ему удар такой силы, какой не

бывает во сне. — Но я уверена, что мы найдем комнату. Леди Морли как раз сейчас разговаривает с хозяином, и... ну, вы знаете леди Морли.

— Леди Морли, клянусь Богом! — Он улыбнулся. — Значит, вы путешествуете вдвоем? Чертовски неподходящее для этого время года.

Она выпрямилась, все еще сжимая ручонку Филиппа.

— Полагаю, можно сказать и так. А вы, лорд Роланд? Вероятно, направляетесь во Флоренцию?

— Нет-нет. Собственно, мы как раз оттуда. Я здесь с братом и... и еще одним человеком. Мы... Мы собираемся провести год в полном сквозняков итальянском замке, как монахи, посвятив себя алгебре, и Платону, и бог знает чему еще. Потрясающе проведем время.

Она выжидательно вскинула брови.

Роланд взял себя в руки.

— В общем, не важно. Я очень надеюсь... То есть, если я могу быть чем-нибудь полезен...

— Нет-нет. — Она потупилась. — Мы прекрасно справляемся.

— Хотите войти?

— Нет, я... я кое-кого жду.

Лорд всмотрелся в темноту у нее за спиной.

— Разве нельзя подождать внутри? Здесь ужасно сыро.

— Она появится с минуты на минуту.

Голос был спокойным и решительным, в точности каким помнил его Роланд. Вообще это страшно раздражает: если уж он взял за труд увидеть леди Сомертон во сне, неужели она не может совершить что-нибудь более драматическое? Более фантастическое? К примеру, сорвать с себя платье, прыгнуть к нему в объятия и заняться с ним любовью, прижавшись к стене гостиницы, а дождь пусть струится по ее телу.

О да. Вот это будет подходящим сном.

— Ну что ж. — Он слегка поклонился. — Полагаю, вскоре мы снова увидимся.